

Святослав Логинов

Там, на востоке

Святослав Логинов

Там, на востоке

«Автор»

Логинов С. В.

Там, на востоке / С. В. Логинов — «Автор»,

© Логинов С. В.

© Автор

Святослав Логинов

Там на востоке

Зарницы полыхали в полнеба, призрачно-синие, настолько стремительные, что даже в миг вспышки в них невозможно поверить. И бесшумные. Это особенно страшно – тишина, затопившая мир в ту минуту, когда он рушится. Не весь, конечно, где-то люди и знать не узнают о приключившейся беде, но здесь, тем, кто уцелеет, больше не жить.

Утром обнаружилось, что затворище породило разом два пузыря, пелена обняла ближний лес и холм, на котором стояла мельница. Теперь на очереди поля, а там и деревня. Возможно, с первого раза накроет не все дома, но уж её дом наверняка. И бежать некуда, путь на запад надёжно перекрыло затворище, а с иных сторон доброй земли нет, одни гнилые болота, да горы на юге, неудобные сохе и враждебные чужакам. Им отныне всюду быть чужаками – дома оставаться нельзя. Значит, нужно проситься в рабство к горцам или гнить в болотах, откуда возвращаются немногие. Или, всё же, остаться дома, самому пойти навстречу затворищу, крича и грозя кулаками, а оно будет невозмутимо ждать, а когда коснёшься тонкой пелены, всё будет враз кончено, лишь бледная молния метнётся от земли к небу: беззвучная и почти невидимая в солнечных лучах.

Поутру деревня зашевелилась разворошенным муравейником. Скот отгоняли подальше от новой границы, собирали скарб, готовясь к отъезду. Бежать некуда, но надо. Болота тоже не начинаются вдруг, есть в мокром лесу сухие островки, негодные под пашню, но для домов вполне подходящие. Там можно приткнуться, а хлеб до поры сеять на старом пепелище у самых пузырей, авось они ещё сто лет с места не двинутся. Ведь нажрались, что им ещё окаянным надо?

Алина не собиралась никуда и не собиралась собираться. Ежели затворище завтра двинется, то её дом, и поле, и сливовый сад накроет наверняка, они теперь самые близкие к бесплотной жути пузырей, но это не имеет никакого значения. Её уже накрыло, когда ночью в единой вспышке сгорели мельница и дядька Мефодий, упрямо не желавший уходить с опасного холма. Теперь Алина осталась совсем одна. Покуда в семье хотя бы два человека – это семья, а одинокий человек – полное недоразумение. Рука с одним пальцем хуже, чем просто культя, потому что сильнее болит.

Родители Алины погибли три года назад, когда закрылся проход на запад. Затворище не любит воды, и долгие годы вдоль самого берега озера оставалась свободная тропа. Думали, что она так навсегда и останется, пуповинка, связывающая обречённое селение с остальной страной. Загадывали в случае несчастья бежать озером. А вот не сбылось. Сорок лет затворище копило силу, а потом разом сглотило озеро и последнюю дорогу к своим. Отец с матерью как раз поехали на материк, прикупить кой-что на ярмарке и навестить старших дочерей, выданных в деревни по ту сторону затворища. И добро бы отрезало их там, не позволив вернуться, а то убило на обратном пути. Каких-то сто шагов не успели доехать. Сёстры, небось, надеются, что отец с матерью поспели к дому и поднесь живы. И она бы надеялась, что родители задержались в гостях и теперь мыкаются у свойственников, но пошла глянуть на дорогу: не едут ли? – и видела всё как есть.

В солнечном свете зарниц не разглядеть, и молния кажется просто маревом, в котором истаивают, сгорая, деревья, птицы, люди и даже камни, ежели они пришлись в неудобном месте.

Алина стояла на пригорке, махала подъезжающим платком, когда воздух задрожал, по озёрной глади прошли десятки смерчков, и одинокая сосна, кривившаяся у самого берега, вспыхнула свечой и упала, расколота сверху донизу. Отец приподнялся, хлестнул жеребчика, верно надеясь уйти, но синее пламя полыхнуло из-под самых лошадиных копыт, и лишь тележ-

ное колесо ещё долго катилось, вихляя по опустевшей дороге. Алина бежала, раздирая грудь криком, которого сама не слышала в убийственной тишине, и так бы, наверное, и ушла под затворище, но споткнулась на ровном месте, упала, вскочила, тут же снова повалилась на убитую дорогу, и ещё... а потом на запястье сомкнулись каменные пальцы. Дядька Мефодий тоже вышел поглядеть, не возвращается ли сестра с мужем. Мельник, даром что хромой, умел колдовским прищуром бычка с ног сбить. Так и догнал сдуревшую девчонку, притащил домой. Синяки с Алининой руки месяц сходили.

Судьба одинокой девчонки в деревне ясна как на ладони, но за дядькиной спиной – иное дело. Жили, конечно, врозь: девка хоть раз на мельнице переночевавшая, хуже порченной, а у мельника вся сила в поставах, ему надолго отлучаться нельзя, а то крылья перестанут ветер ловить. Однако и одного имени хватало. Мефодия деревенские пуще затворища боялись, и шутить с его племянкой никто бы не решился. С хозяйством тоже: работников Мефодий брал с уговором, чтобы Алинино поле и огородишко вспаханы были. Со всем остальным девчонка сама управлялась.

Так и выросла, минуя чужие похотливые руки и гулящую судьбу. Уже дважды к дядьке Мефодию сватов засылали, а он отказывал, как бы от своего имени, а на деле спросив племянницу, по душе ли ей жених. Теперь дядьки нет, осталась одна как перст, тот самый, что хуже культи, потому что сильнее болит.

Сразу сгинуть не позволила корова. Тварь безвинная, ей-то за что страдать? Корову подоить надо, в поле выгнать, вечером домой привести. Днём привычные дела тянутся, цепляясь друг за дружку. А ночью самая гибель к сердцу подступила. Алина до полуночи сидела на крыльце, не смея войти в дом, словно там петля под потолком ждёт, невидяще глядела в сторону леса. Хорошую чащобу даже пожар дотла выжечь не может, и сейчас над бывшим бором было беспокойно. Словно голубые огоньки пляшут над потухающим углем: вырвется, мелькнёт секундным пламенем и сгинет. Это ужравшееся затворище выбрало хоть и расколотое, но покуда живое дерево, и слизнуло его синим языком. Ещё неделю, а то и две будут этак ходить могильные огоньки по бывшим лесным угольям. Хороши огоньки... каждый в три человеческих роста.

Огни гуляют в ближнем краю, а вдалеке всё мертво. Скоро то же спокойствие придёт и сюда.

Тьма за горизонтом улыбнулась мгновенной вспышкой зарницы. Такое можно видеть чуть не всякую ночь: зверь, а то и человек заплутал в ночи и, не разобрав, куда его занесло, коснулся покрывала. Затворищу всё равно, когда глотать встречных, просто ночью синее пламя легко увидеть, а днём его, поди, никто и не различит.

Второй всполох, ярче первого, взметнулся из-за окоёма, а следом засияло отовсюду, уже не синим, а слепяще-белым огнём, какого не увидишь даже в ту минуту, когда затворище окутывает новые земли.

Из деревни донёсся крик, набатные удары деревянного била. Там словно в пожаре полуодетые люди выскакивают из домов, хватают что попало из не увезённого, бегут прочь, проклиная себя, что вернулись на единую ночь под обречённые крыши.

Алина сидела неподвижно, пусто глядела в светокипящую даль. Она не сразу поняла, что там творится небывалое: буйство света за горизонтом не просто усиливается, а приближается медленно и неуклонно, словно пешеход, которому некуда особо торопиться, но и незачем останавливаться. И вот уже не зарница, а перевёрнутая молния стрельнула в ночные небеса. И немедля засияло там, где на Алининой памяти всегда бывало темно, ведь западный кряж ушёл под затворище больше сотни лет назад. Но теперь огненный нож, рассекающий затворище на две неравные части, достиг пологих вершин и неспешно начал спускаться в долину. Следующий пузырь алчно взвихрился каскадом молний, засиял и, оказавшись не в силах сожрать добычу, лопнул, озарив мир холодным пламенем.

Никто кроме Алины не видел этого действия, опустевшая деревня давно замолкла, даже собачонки не оставалось среди домов, перепуганные люди торопились сейчас непрогаченными тропами, стремясь достичь лесистых островков, где надеялись отыскать спасение. И даже если кто-то оглядывался на брошенное село, то видел сквозь ветви лишь грозящее голубое зарево и не мог различить, что же там происходит.

Когда уже под утро, родились молнии на опушке знакомого леса, Алина медленно поднялась и сделала первый шаг навстречу тому, что двигалось сквозь затворище. Вчерашний пузырь, так и не успевший успокоиться, взорвался прежде, чем Алина вышла за околицу. Поле, холм, с которого начисто слизало дядькину мельницу, россыпь камней, вывезенных с пашни к лесу... Затем завалы разбитых, полусъеденных деревьев. Только что здесь пировало затворище, а теперь нет ничего, лишь бурелом, почерневший мох, жухлая трава и хрусткий колотый лёд под босыми ногами. Лёд такой неожиданный в жаркую июльскую пору, когда ночи столь же тёплы, что и дни.

Затем Алина увидела человека. Он медленно, словно на ощупь, пробирался меж раздробленных стволов, путался в обсосанных ветвях, карабкался на выворотни, хотя совсем близко оставался кусок почти свободной тропы. И всё же человек шёл, а не бесцельно топтался на месте. Ни разу он не свернул в сторону, ни на миг не прекратил механически-замедленного движения. На человеке была обычная дорожная одежда, за спиной котомка, затянутая на горловине ремнём, в руке – вычурная можжевелевая палка с обожжённым концом. Ничто в его внешности не возмущало взгляд: просто путник, который только что прошёл сквозь затворище.

Алина кинулась навстречу, и лишь подойдя вплотную, поняла, почему так странно движется незнакомец. Он был слеп, широко раскрытые глаза застлало льдом.

Рука незнакомца обожгла холодом: белая, твёрдая, словно костяная. Но Алина не отдернулась, а плотнее сжала ладонь на тылом запястье и повела путника прочь от россыпей голубого натающего льда. Человек не дрогнул, не удивился и не воспротивился, он покорно пошёл следом, так что мгновенно пропало вспыхнувшее было воспоминание, как волок её, ухватив за руку, дядька Мефодий.

Назад, из замёрзшего леса, мимо мельничного холма, через нетронутые бедой поля, где вовсю колосится хлеб, к дому, отделённому от остальной деревни густым сливовым садом. В этом году сливы цвели на удивление, и теперь ветви гнутся от бремени ягод, едва успевших подёрнуться сизым налётом. Словно иней ложится на жёсткую сливовую зелень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.